

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.10>

Бритаева Анжела Борисовна

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

В статье анализируется тесная связь осетинской литературной сказки с архаичным животным эпосом. Основное внимание акцентируется на этиологическом мифе как одном из смыслообразующих компонентов осетинской авторской сказки, объясняющей те или иные внешние и поведенческие характеристики животных, птиц, насекомых, а также причины появления природных явлений. Определяется, что подобные литературные произведения еще более оторваны от мифического времени, чем фольклорные, писатели используют этиологию исключительно с дидактической целью. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований по истории и проблемам осетинской детской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 52-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.221.18

Дата поступления рукописи: 16.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.10>

В статье анализируется тесная связь осетинской литературной сказки с архаичным животным эпосом. Основное внимание акцентируется на этиологическом мифе как одном из смыслообразующих компонентов осетинской авторской сказки, объясняющей те или иные внешние и поведенческие характеристики животных, птиц, насекомых, а также причины появления природных явлений. Определяется, что подобные литературные произведения еще более оторваны от мифического времени, чем фольклорные, писатели используют этиологию исключительно с дидактической целью. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований по истории и проблемам осетинской детской литературы.

Ключевые слова и фразы: осетинская детская литература; литературная сказка; осетинский фольклор; сказки о животных; этиологические мифы.

Бритаева Анжела Борисовна, к. филол. н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ
angelikabb@yandex.ru*

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Осетинская детская литература представлена всем жанровым многообразием, характерным и для «взрослой» литературы, при этом долгие годы она оставалась совершенно не исследованной. На сегодняшний день назрела необходимость в ее систематизации и всестороннем изучении. Именно этим фактом обусловлена **актуальность** исследования. **Научная новизна** работы состоит в том, что впервые рассматриваются осетинские литературные сказки с этиологической основой; как и фольклорные их аналоги, до настоящего времени они не рассматривались ни фольклористами, ни литературоведами. **Материалом** исследования послужили произведения осетинских детских писателей XX века, у каждого из которых – свой подход к использованию устного народного творчества. **Целью** предпринятого изыскания является рассмотрение этиологического мифа как одного из смыслообразующих компонентов осетинской литературной сказки. Наиболее целесообразен, на наш взгляд, комплексный подход в изучении подобных этиологических сказок в типологическом и сравнительном аспекте. Именно при таком подходе можно наиболее эффективно решить поставленные **задачи**: отобразить роль этиологических мифов в структуре литературных сказок; проанализировать характер связей этиологических мифов с другими уровнями структуры произведения. Полученные результаты могут быть использованы при написании истории осетинской детской литературы, а также в преподавании курса «Осетинская детская литература» для студентов филологических и педагогических факультетов вузов Северной и Южной Осетии.

Авторская сказка, героями которой являются животные, тесно связана с фольклорной традицией, а именно с архаическим животным эпосом. Многие исследователи фольклора, мифологии считают, что животный эпос – результат перенесения человеческих отношений на природу. Особняком в животном эпосе стоят этиологические мифы. «Этиологические мифы (от греч. Αἰτία “причина”) – это объяснительные мифы-повествования, в которых разъясняется в мифологической олицетворенной форме происхождение какого-либо явления природы или социальной жизни», – пишет С. А. Токарев [20]. Эта группа мифов – наиболее древняя по времени появления, они чаще всего описывают внешние или поведенческие свойства животных. К этой же группе исследователи относят и повествования о связи людей и животных. Со временем эти мифы трансформировались в сказки, и в них чаще всего объясняются особенности внешнего вида, а также специфика поведения тех или иных животных, птиц, объясняются явления природы. Е. А. Костюхин считает, что подобные тексты возникли в то особое мифическое время, «когда звери говорили, когда они были людьми». А вот возникновение собственно сказки о животных означает «демифологизацию времени и установление неопределенного сказочного времени». А это, по его мнению, привело к тому, что значение этиологии было нивелировано, она уже не самоцель повествования и «приобретает откровенно шуточный характер» [8, с. 57-58]. Такого же мнения придерживается и Е. М. Мелетинский, полагающий, что «этиологизм формализуется в виде определенной мифической концовки. Сама эта концовка по мере потери сюжетом специфически этиологического смысла превращается в орнаментальный подвесок». Ученый считает, что некоторое время подобная концовка сохраняется, но затем вытесняется дидактической [11]. С течением времени потеря этиологии привела к выдвиганию на передний план новых задач: развлекательных и поучительных.

Широко известны примитивные этиологические мифы африканских, австралийских народов, а также мифы чувашей, бурятов, ханты, манси и многих других народов, которые повествуют, например, о том, почему у зайца рассеченная губа и короткий хвост, почему медведь без хвоста, почему летучие мыши днем не видят, почему у ласточки красная полоса на шее, как у опоссума появились пятна на теле, почему заяц дважды в год меняет шубку и т.д. О схожих сказках пишут и исследователи карачаево-балкарского фольклора Х. Х. Малкондуев и Ф. Х. Гулиева (Занукоева): «В группу сказок мифологического характера можно включить и сказки о животных, посвященные объяснению их внешних особенностей...» [10, с. 119].

Подобные повествования наличествуют и в осетинском фольклоре. К примеру, в известной сказке «Медведь и мед» косолапого звали полакомиться медом, он отказывался, его стали тащить за уши и оторвали их, а когда он попробовал меду, ему так понравилось лакомство, что его попытались оттащить за хвост и оторвали его (почему у медведя короткие уши и хвост) [15, с. 473]. Таковы же истории о том, почему перепелка не гнездится на деревьях, а ищет ямки в полях и лугах и в них высиживает птенцов («Сказка о перепелке и шиповнике») [Там же, с. 430], почему у зайца короткий хвост и почему зайцы с лисами не дружат («Лиса и заяц») [Там же, с. 421].

Ранее в работе «Традиции животного эпоса в современной осетинской литературной сказке» мы говорили о том, что персонажи осетинской авторской сказки наравне со свойственными им от природы животными признаками наделены и человеческими. Действительно, посредством подобных сказок авторы рассказывают своим юным читателям о злободневных проблемах, о вещах, которые невозможно объяснить на языке абстракций [4]. Ребенку для получения «взрослого» мировоззрения, постижения неписанных законов существования в социуме необходимо на конкретных, доступных для детского восприятия примерах объяснять, что такое хорошо и что такое плохо. Именно с этой целью ему и предлагается взглянуть на мир глазами одинокой ежихи, умудренного жизнью ежа, сердобольного мышонка, скучающего по родной пустыне верблюжонка и даже глазами одинокой звездочки. Как и фольклорные, эти сказки расширяют мировоззрение ребенка, знакомят его со сложными законами бытия. Однако следует заметить, что принцип нераздельности существования в сегодняшней действительности стал восприниматься совершенно иначе, чем во времена, когда превалировало мифологическое мышление. Двойственность черт не означает уже отсутствия границ между людьми и животными. Как отмечает Е. А. Костюхин, «сказочная нерасчлененность людей и животных – чистейшая условность, поэтическая фикция» [8, с. 82].

В осетинской литературе существует ряд сказок, имитирующих этиологический миф и объясняющих те или иные внешние, поведенческие характеристики животных и птиц. Из сказок Ч. Бугулова мы узнаем, например, почему жук носит черное одеяние и почему у лисы усики черные. Попался как-то голодному ежу маленький жук. Еж собрался съесть бедолагу, несмотря на все его уговоры сжалиться. Поняв, что слезами тут не помочь, жук уговорил ежа поджарить его: «... иначе я в пищу не гожусь, но смотри не передержи, а то в уголек превращусь». Засыпал еж жука угольками, а жук прокопал в древесном уголке себе ход и спрятался в нем. Еж решил, что жук сгорел, и оставил его. С тех пор жук и все его потомство носят черные одежды [13, ф. 131].

А случай с лисой и вовсе анекдотичен: лиса решила пожить жизнью человека – решила ходить на задних лапах, затем испытала себя на сенокосе, на жатве, дрова из лесу привезла, но вот она нашла на дороге курительную трубку и кiset с табаком. Набила трубку табаком. Поджечь-то она подожгла, воспользовавшись найденными спичками, но уронила огонек на свою соломенную подстилку. Еле лиса ноги унесла от пожара – она осталась жива, но усы опалила: «... с тех пор у лисы усы черные, будто углем подкрашенные. А если не верите мне, то поймайте лису и проверьте...» [5, ф. 20].

На наш взгляд, сказки эти заметно уступают фольклорным, сюжеты несколько надуманные, весьма сомнительно, что они вызовут доверие дотошных юных читателей: как же на самом деле жук не сгорел среди горящих угольков, или с какой целью лиса взялась сено косить, пшеницу в снопы вязать (ведь она хищник), дрова возить, а потом еще и курить.

Народная сказка обладает различными функциями: эстетической, познавательной, воспитательной. Известный фольклорист Э. В. Померанцева отмечает: «Между волшебной, новеллистической, бытовой сказкой и сказками о животных, анекдотами и небылицами – ощутимая разница. Однако доминирует во всех этих видах сказочной прозы эстетическая функция, делающая их поэтическим вымыслом, объединяющая их в один род». Вместе с тем исследователь не отрицает, что и другие функции могут быть присущи сказочным жанрам [16, с. 75].

Более интересными представляются, на наш взгляд, короткие сказки Г. Чеджемова, из которых читатель узнает, почему у петуха гребешок и борода стали красными, ведь раньше они были белыми; отчего сова постоянно плачет, отчего зимой снег падает с неба и т.д. [18]. Автор вложил в свои короткие произведения и юмор, и назидательный смысл. Например, петух в его сказке покраснел от стыда: он склевал зернышко сам, не поделившись с курами, и был пойман «на месте преступления». Именно поэтому он с тех самых пор ходит с багрово-красным гребешком и бородашкой: до сих пор ему и его собратям стыдно за его неприглядный поступок.

Сказка Т. Царахова раскрывает причины того, почему у зайца короткий хвост [17, ф. 9], а И. Астемирова поведала, как любовь помогла лягушке из воды на сушу выбраться, а еще – почему у нее глаза выпученные [2, ф. 28]. При этом помимо дидактической функции перечисленные произведения в полной мере обладают и остальными характеристиками фольклорной сказки. Главный герой сказки Т. Царахова «Почему у зайца хвост короткий» – жадный, коварный волк. Он ночью неоднократно нападал на отару овец. Но поживиться не удавалось: он был схвачен чабаном. Волк умолял пощадить его, пообещав больше не приближаться к овцам, но жадность взяла верх. Вновь нарушил он свое обещание и был схвачен бдительным чабаном. Поняв, что в этот раз пощады не будет, волк еле унес ноги. Спасти его помогли медведь и заяц. Но и тут неблагодарность и подлость волка дали о себе знать: обманув зайца, подманив к себе, он схватил его. Чудом удалось зайцу вырваться, но он остался практически без хвоста. Именно с тех пор, утверждает автор, у зайца короткий хвост. Бесспорно, эти сказки – не этиологический миф как таковой, скорее они его имитируют.

История с хвостами не единична. Одним из распространенных сюжетов мирового фольклора, мифологии является сюжет «Почему у ласточки хвост раздвоенный». Ласточке посвящено множество легенд и сказок. Подробно этот образ был рассмотрен Ш. Ф. Джикаевым. «Из всех птиц в осетинском фольклоре наибольшим

почетом пользуется ласточка. <...> Она почитается народом подобно ангелу, как нечто священное. Она – посланница Бога, вестница весны», – писал он [7, ф. 54].

У разных народов факт раздвоенного хвоста объясняется по-разному: в русской мифологии, например, раздвоенность хвоста ласточки объясняется следующим фактом: боги наказали ворона за воровство и отобрали у него ключи от рая, сия почетная миссия была возложена ими на ласточку, что вызвало зависть ворона; в отместку он выдрал перышко из хвоста ласточки. Индейцы же считают, что ласточка принесла людям огонь на своем хвосте, похитив его у солнца. Именно по этой причине хвост у нее теперь раздвоенный. Собственно, поэтому она ассоциируется у многих народов с солнцем и огнем, с потеплением, весной. Есть похожие легенды и сказки в украинском, белорусском, молдавском, эстонском фольклоре, а также в фольклоре многих азиатских народов, в том числе казахского и киргизского.

Весьма обстоятельно этот этиологический миф анализируется в работе Т. Г. Басанговой (Борджановой) «Животные в калмыцком фольклоре». Исследователь утверждает, что такие повествования по своей структуре – это «пересказ небольшого сюжета о происхождении того или иного явления. Несложные сюжеты этих мифов представляют собой объяснение отдельных признаков животных, особенностей их характера, внешнего вида и повадок. Эти краткие сюжеты отвечают на вопросы: “Почему произошло, как возникло, отчего?”» [3, с. 157].

Подтверждается это и осетинским материалом, в котором встречаются два сюжета, связанных с анализируемым мотивом: «О нарте, прикованном к скале Богом» и «Сказка о мухе и змее». Согласно первому, один из нартовских мужей решил бросить вызов Всевышнему. По велению Бога он был прикован железными цепями к горе. Цепь со временем истончалась, и кузнец должен был ее укреплять. Однажды, когда кузнец принялся за дело, ласточка села на наковальню, молот попал по ее хвосту, с тех пор хвост у ласточки раздвоенный. Этим самым ласточка спасла прикованного нарта: удар молота пришелся не по цепи, а по хвосту ласточки, звенья цепи не были укреплены, и нарт, разорвав их, обрел свободу [Цит. по: 19, с. 190].

Согласно второму сюжету, виновница того, что у ласточки раздвоенный хвост, – змея. Она поручила мухе узнать, чья кровь вкуснее. Облетев весь мир, муха убедилась, что вкуснее всего кровь младенца. Полетела она к змее, чтобы сообщить эту весть. Ласточка вырвала язык мухи, дабы уберечь род человеческий. Узнав о случившемся, змея пыталась убить ласточку, но ей удалось лишь ухватить ее за хвост. Ласточка вырвалась, но с тех пор хвост у нее – раздвоенный [15, с. 187].

Этот сюжет мы находим и в нартовском эпосе, в одном из вариантов сказаний об Ахсаре и Ахсартаге – «Дерево нартов» [12, ф. 14]. В этом сказании змея спасла от затопления ковчег, на борту которого спасались от всемирного потопа единственный человек, которому Бог сохранил жизнь, и животные (Библейский мотив). В благодарность за спасение змее было позволено самой выбрать, чем ей питаться: «Какого мяса бы ты ни захотела, ты сможешь его получить» [Там же, ф. 15]. Змея поручила мухе узнать, чья плоть вкуснее. Облетела муха весь свет, перепробовала мясо всего живого и остановилась на плоти грудного младенца. По пути повстречалась ей ласточка. Муха похвасталась, что под языком у нее есть кусочек плоти младенца, которую она несет змее. Ласточка, прибегнув к хитрости, вырвала у нее язык. «С тех пор муха не может больше говорить, стала она жужжать, и змея ничего не поняла. Но муха как-то сумела объяснить змее, что всему виной ласточка. Змея кинулась было на ласточку, но смогла оторвать лишь кусок хвоста. С тех самых пор хвост у ласточки раздвоенный» [Там же]. Один и тот же этиологический миф объясняет два факта: почему у ласточки хвост раздвоенный и почему муха жужжит.

Данный сюжет нашел свое место и в литературе: в обработке А. Кайтукова эта сказка заиграла новыми гранями, особенно что касается языка. Когда Бог создал природу, то понял Он, что не смотрится мир без живого, и создал Он людей, зверей, птиц, насекомых и все живое на земле. И определил Создатель, чем каждый из живых существ будет питаться, не снизошел лишь до змеи. И спросила Его тогда змея: а чем питаться мне? На что Создатель ответил, что недостойна змея даже ответа мухи, но так уж и быть, может спросить у нее. Делать нечего – обратилась змея к мухе с просьбой узнать, чья кровь из всех живых существ вкуснее. Выполнила муха просьбу змеи и уже возвращалась из своего дальнего путешествия, когда ее повстречала ласточка. Далее – по известному фольклорному сюжету. Но автор добавил еще один этиологический момент: почему с тех пор змеи едят лягушек: «Муха без языка еще что-то лепетала, даже пыталась своими тонкими ножками изобразить младенца, но, к счастью людей, змея приняла изображаемое за лягушку и, шипя, уползла в сторону болота» [1, с. 270]. С тех самых пор змеи питаются лягушками.

На основе этиологического мифа, объясняющего образ жизни летучих мышей, построена и сказка А. Букулова «Летучая мышь». Эта сказка также отправляет нас к стародавним мифическим временам. «В давние времена, когда еще звери и птицы умели говорить, были на земле всего два царя: царь зверей Лев Могучий и царь птиц Орел Гордый...», – так начинает автор повествование [Там же, с. 266]. Поначалу ладили между собой цари, но настал конец их дружбе, затеяли они войну. Каждый из царей призвал поданных в ряды своего воинства. Никто не стал прятаться – все как один явились на призыв своих правителей. Лишь летучая мышь долго взвешивала, на чьей стороне выступить, кто из царей сильнее. Подумав, присягнула на верность Льву. Но когда в ходе битвы она увидела, что побеждают птицы, легко переметнулась в стан врага и присягнула на верность Орлу. Вскоре звери снова стали одерживать победу, и вновь летучая мышь предает своего господина. Но в этот раз её подлость была раскрыта помирившимися царями. Сначала и звери, и птицы хотели убить предателя, но потом решили, что это слишком легкое наказание для изменника. И вынесли тогда цари свой приговор: «Отныне летучая мышь отвержена всеми нами: как зверями, так и птицами. С сегодняшнего дня она не относится ни к тем, ни к другим. Пусть проводит свою жизнь в темноте» [Там же, с. 268]. С того

дня, пишет автор, живет летучая мышь жизнью слепого отшельника. Днем не вылетает, не видит дневного света. Лишь ночью, когда звери и птицы спят, она, дрожа от страха, может вылететь в поисках пропитания. «Участь труса – жить и дрожать, лучшего он не достоин! И расплачиваться теперь во веки вечные коварной Летучей мыши тяжкими мучениями за свою подлость и роковую ошибку» [Там же], – выносит свой приговор и автор. Концовка сказки звучит моралистически и должна стать уроком для читателей.

В иерархии этиологических мифов на пару ступеней выше стоят мифы о различных явлениях природы (дождь, снег, радуга и т.д.), а еще выше – мифы о происхождении неба, Солнца, Луны, звезд и т.д. обстоятельный анализ подобных мифов дан в работе З. К. Кусаевой и Ф. М. Таказова [9, с. 77]. В волшебных сказках с древней основой вымысла, на материале каковой написана и известная сказка С. Бритаева «Дзег сын Дзеха», нам встречается объяснение некоторых явлений природы. Герой в поисках невесты явился в дом Солнца. Увидев в своем доме земного гостя, дочери Солнца то смеялись, то плакали от радости. Этим в сказке истолковывается переменчивость погоды: то дождь льёт, то проясняется [1, с. 33]. Аналогичное объяснение природных явлений встречаем и в осетинских народных сказках «Матара сын Даууа» [14, с. 256] и «Сын суки» [Там же, с. 173].

Как отмечают исследователи, во всех сказках с подобным сюжетом сказочная фантазия вобрала в себя всю сложную систему мифологических представлений и понятий разных народов. Народ всегда искал объяснение явлениям природы, которые по всем правилам мифологического мышления одушевлялись и представлялись в виде различных фантастических существ [6, с. 72].

Литература, как и фольклор, полифункциональна, и важнейшие из ее функций – дидактическая, развлекательная и познавательная. Причем в зависимости от потребностей времени, а также от индивидуальных творческих целей автора, приоритетной становится та или иная. Подобное характерно и для литературных сказок, имитирующих этиологический миф. Несомненно, такие сказки-мифы отражают мировосприятие людей.

О композиционных особенностях сказок-мифов с этиологической основой читаем у Т. Г. Басанговой (Борджановой): «В композиции этиологического мифа выделяются такие элементы, как зачин и концовка. В них описана исходная ситуация о месте действия мифа. В кратких зачинах говорится о давности того, что происходит в мифе: “давным-давно это было”, или “давным-давно, в одно прекрасное время”. Построение текста направлено на ответ, который дан в зачине мифа. В его концовке содержатся ответы на вопросы, почему происходили те или иные природные явления. В концовке этиологического мифа присутствует формула времени “С тех пор”: с тех пор ласточка дружит с людьми, с тех пор комар жалобно поет, формула времени “С тех пор” говорит о последствиях совершенного действия» [3, с. 58].

Таким образом, мир осетинской литературной сказки, а также «миры» отдельных авторов целесообразно рассматривать как особое явление, которое по сути своей является квинтэссенцией традиционных элементов народной сказки (в данном случае – этиологической основы) вкупе с осмыслением авторами реальной действительности с различных идейно-эстетических позиций. Осетинские сказки, имитирующие миф (а мы пришли к выводу, что это именно имитация), утратили этиологическую составляющую как основную, информативную, они еще более, чем их фольклорные аналоги, оторвались от мифа. Этиология стала носить скорее шуточный характер. Происходит переориентация: авторы используют этиологию для акцентирования внимания читателей на поучительных, моралистических моментах.

Список источников

1. Антология осетинской литературной сказки / сост. А. Б. Бритаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 548 с.
2. Астемираты И. Хæфс донæй куыд рацъд // Суадон: Уацмысты æмбырдгонд сывæллæттæн. Орджоникидзе: Ир, 1973.
3. Басангова (Борджанова) Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с.
4. Бритаева А. Б. Традиции животного эпоса в современной осетинской литературной сказке // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2010. № 4. С. 156-161.
5. Быгъуылты Ч. Бирагъ уасагæй куыд фæтарст. Орджоникидзе: Ир, 1962. 26 ф.
6. Ганиева А. М. Типология волшебных сказок народов Дагестана и Северного Кавказа // Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана: сб. ст. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР, 1987. С. 69-82.
7. Джыккайтты Ш. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. Дзауджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010. 264 ф.
8. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 272 с.
9. Кусаева З. К., Таказов Ф. М. Этиологические мифы о происхождении небесных светил в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3.
10. Малкондуев Х. Х., Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Внутрижанровая особенность карачаево-балкарской бытовой сказки // Известия СОИГСИ. 2017. № 26 (65). С. 116-129.
11. Мелетинский Е. М. Миф и сказка [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/08.php (дата обращения: 27.09.2019).
12. Нарты кадджыгæ: Ирон адæмы эпос: в 7-ми т. / сост. Т. А. Хамицаева, Ш. Ф. Джикаев. Дзауджыхъæу: Ирыстон, 2003. Т. 1. 589 ф.
13. Нæ хурты хуртæн: хрестомати равдауæндæтты хъомылгæнинагтæн / Сарæзтой йæ И. Айларты, М. Дзасохты. Дзауджыхъæу: Ир, 1990. 238 ф.
14. Осетинские народные сказки. М.: Наука, 1973. 598 с.
15. Памятники народного творчества Осетин: сказки о животных. Владикавказ: Алания, 1998. 526 с.
16. Померанцева Э. В. Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 71-79.

17. Царахаты Т. Тархъусан гыццыл къæдзил цæмæн ис: Аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1985. 23 ф.
 18. Чеджеты Г. З. Тæнагбазыр, авдхуызон: Аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1972. 21 ф.
 19. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
 20. **Этиологические мифы** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mifinarodov.com/e/etiologicheskie-mifyi.html> (дата обращения: 27.08.2019).

ETIOLOGICAL MYTH AS A MEANING-FORMATIVE COMPONENT OF THE OSSETIAN LITERARY TALE

Britaeva Anzhela Borisovna, Ph. D. in Philology

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of the Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
 angelikabb@yandex.ru*

The article analyses close interrelation of the Ossetian literary tale and the archaic animal epos. Special attention is paid to the etiological myth as one of the meaning-formative components of the Ossetian author's tale explaining certain exterior and behavioural characteristics of animals, birds, insects and causes of natural phenomena. It is shown that such literary works are even more disengaged from mythic time than folk tales, writers use aetiology exclusively for the didactic purpose. Relevance of the paper is conditioned by the lack of studies on history and problems of the Ossetian children's literature.

Key words and phrases: Ossetian children's literature; literary tale; Ossetian folklore; animal tales; etiological myths.

УДК 8.82.0

Дата поступления рукописи: 21.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.11>

Статья посвящена выявлению особенностей концептосферы Северного текста литературы Якутии, что не было предметом специального изучения с точки зрения локального текста, иными словами, «текста, прикрепленного к месту». Впервые рассматривается концепт КРАЙНИЙ СЕВЕР как структурообразующий и базовый в аспекте геоэтического освоения пространства, реконструируемый в знаки-символы данной территории, ландшафтные и природные образы, этноментальные, эмоциональные и философские образы в их обобщенной целостности. Анализируются также наиболее значимые концепты ТУНДРА, ТАЙГА, РЕКА, КОЧЕВЬЕ, ВРЕМЯ, ОЛЕНЬ.

Ключевые слова и фразы: Северный текст; концептосфера; концепт; Крайний Север; геоэтика; С. Курилов; Улуро Адо; А. Кривошапкин; Г. Кэптукэ.

Бурцева Жанна Валерьевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
 Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
 gvburtseva@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮКАГИРСКОЙ, ЭВЕНСКОЙ И ЭВЕНКИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР)

Объектом исследования является литература малочисленных народов Севера Якутии, которую мы рассматриваем как систему текстов, семантически связанных с Крайним Севером (Арктикой), в многообразии индивидуально-авторских интерпретаций, репрезентирующих определенную региональную картину мира. Специфика картины мира раскрывается в анализе ключевых понятий концептосферы и их структурной взаимосвязи. При этом определяющие факторы формирования концептосферы основываются в любом случае на пространственных представлениях, обусловлены ландшафтной и территориальной спецификой, исторически и культурно сложившимися особенностями мировосприятия.

Актуальность исследования характеризуется новым подходом к изучению северной литературы Якутии как локального текста со своими культурными кодами, знаками-символами, образами, архетипами, мотивами, что, по нашему мнению, наиболее объемно и системно показывает уникальность национальной идентичности (по-другому региональной) в совокупности всех ее признаков. **Цель** данной статьи заключается в выявлении художественных особенностей основных составляющих концептосферы Северного текста литературы Якутии, смысловым ядром которого является юкагирская, эвенская и эвенкийская литературы. В **задачи** исследования входит стремление обозначить ключевые элементы национальной концептосферы и определяющие их факторы, охарактеризовать структурообразующую роль концепта КРАЙНИЙ СЕВЕР в формировании этнокультурной картины мира и концептосферы. Несмотря на огромный мотивно-образный комплекс, выбор для анализа в рамках статьи таких концептов, как ТУНДРА, ТАЙГА, РЕКА, КОЧЕВЬЕ, ВРЕМЯ, ОЛЕНЬ, обусловлен ярко выраженной локальной спецификой данных образов местности, а также исследованием их с новых позиций. **Научная новизна** заключается в попытке системно рассмотреть концептуализацию